

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Л. Римский

ведущий научный сотрудник, Фонд развития исследовательских программ «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ); старший преподаватель, Московский психолого-социальный университет (МПСУ) (Москва)

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И РОССИЙСКАЯ АРХАИКА

Аннотация. В статье приводятся обоснования гипотезы автора о том, что значимые проблемы российской информатизации имеют одну общую причину — архаизацию общества и органов власти, если архаизацию понимать как следование стереотипам восприятия и оценки реальности, а также образцам и программам социального поведения, сложившимся в культурах, предшествовавшим современным. Архаизация проявляется в любых современных обществах и государствах, но в современной России она доминирует в сознании и социальном поведении большинства граждан, в деятельности органов власти. В соответствии с гипотезой автора архаизация в современной России во многом определяется взаимосвязанными явлениями: доминированием профессионально-именного социокода, новой сословностью и раздаточным характером российской экономики. Этим объясняется то, что для должностных лиц органов власти всех уровней наука не стала инструментом профессиональной деятельности, что характерно для профессионально-именного социокода. Поэтому органы власти в России редко заказывают и недостаточно финансируют научные исследования в сфере информатизации. Существование сословий в российском обществе не признаётся его большинством и органами власти, но некоторые сословия создаются государством для выполнения конкретных служений с обязательным пополнением государственного бюджета. Сословные служения всегда связаны с освоением назначенных им государством ресурсов, включая данные в электронной форме. Поэтому, например, реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» не стала существенным фактором роста экономики нашей страны, её реализация не меняет, а сохраняет раздаточный характер российской экономики. Архаизация приводит к отказу от существенного реформирования систем управления обществом и государством, которое позволило бы наиболее эффективно использовать преимущества информатизации. Вместо этого информатизация органов власти направляется на поддержание устаревших, но привычных ритуалов принятия решений и осуществления управленческой деятельности.

Ключевые слова: *информатизация, цифровизация, органы власти, архаизация, социокод, сословность, раздаточная экономика.*

JEL: A11, O10, O32, P20.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10405.

Продолжение проблем СССР в постсоветский период

Испанский социальный исследователь Мануэль Кастельс с середины 1980-х гг. неоднократно бывал в СССР, а потом в России, проводил совместно с российскими коллегами исследования проблем развития нашей страны. По результатам этих исследований он нашёл достаточно обоснований своей гипотезы о том, что советская экономика и общество с середины 1970-х гг. вошли в кризис, который стал «выражением структурной неспособности этатизма и советского варианта индустриализма обеспечить переход к информационному обществу» [Кастельс, 2000. С. 438]. Кастельс весьма подробно объясняет смысл этой

гипотезы и, в частности, пишет, что информационно-технологическая революция в мире в последней четверти XX в. потребовала перехода от индустриального общества к информационному, в котором «главным источником производительности является качественная способность оптимизировать сочетание и использование факторов производства на основе знания и информации» [Там же]. Без осуществления такого перехода СССР не смог бы остаться одной из ведущих мировых держав. Но, как отмечает Кастельс, «в Советском Союзе этот переход потребовал мер, которые противоречили корыстным интересам государственной бюрократии и партийной номенклатуры» [Там же].

Корыстные интересы «государственной бюрократии и партийной номенклатуры», безусловно, создавали существенные проблемы развитию СССР в направлении информационного общества. Но помимо этого «государственная бюрократия и партийная номенклатура» оказались не способны сменить устаревшие, во многом архаичные способы управления государством, экономикой и обществом на современные, постиндустриальные, способствующие развитию информационного общества. И в постсоветской России, несмотря на проведение реформ в разнообразных областях общественной жизни, экономики, политики, государственного и муниципального управления, архаичные способы управления продолжают доминировать над характерными для постиндустриальных и информационных обществ [Римский, 2018. С. 154]. И это доминирование является значимым фактором информатизации современной постсоветской России. Настоящая статья посвящена обоснованию гипотезы о том, что (наряду с другими) значимой причиной такого доминирования является архаизация общества и государства, которые существенно препятствуют эффективной информатизации нашей страны.

Архаизация и социокоды М.К. Петрова

В понимании архаизации для различных социальных субъектов предлагается следовать концепции А.С. Ахиезера [Ахиезер, 2001. С. 89]. Применяя его подход к обществу и государственному управлению можно понимать архаизацию как «следование общества и органов государственной власти культурным образцам и программам, сложившимся в культурах, предшествующих современным» [Римский, 2018. С. 151].

Ахиезер утверждал, что Россия осуществляет процесс модернизации и уже «вышла за рамки традиционной цивилизации», которой «присуще господство статичного воспроизводства, т.е. нацеленного на поддержание общества; всей системы сообществ, каждого из них, культуры, социальных отношений, личности в соответствии с некоторым идеализирующим прошлым представлением» [Ахиезер, 1995. С. 4]. Но по его оценке Россия «не сумела перейти за границу либеральной цивилизации», где «господствующее положение занимает интенсивное воспроизводство, которое характеризуется стремлением воспроизводить общество, культуру, постоянно углубляя её содержание, повышая социальную эффективность, жизнедеятельность» [Там же]. По типам воспроизводства, представленным Ахиезером, получается, что Россия уже вышла из архаики, но не стала модернизированной, современной цивилизацией с наличием большинства характеристик постиндустриальных и информационных обществ. Характеристики же «либеральной цивилизации», данные Ахиезером, далее обсуждаться не будут, потому что это выходит за пределы тематики настоящей статьи.

Явления архаизации в большей или меньшей степени заметны в любом обществе и государстве современности. Это вполне закономерное явление, определяющееся накопленным опытом и знаниями предшествующих поколений, стандартами и стереотипами восприятия реальности и способами реагирования на её изменения, методами решений общественных и иных проблем, показавшими свою эффективность в предшествующем

развитии. Но в современной России явления архаизации доминируют в сознании и в социальном поведении как большинства граждан, так и в государственном управлении нашей страны, препятствуя интенсивному воспроизводству и инновационному развитию, без которых информатизация становится малоэффективной.

Одна из важнейших причин доминирования архаизации в современной России — приверженность большинства граждан, представителей элит и государственного управления профессионально-именному социокоду М.К. Петрова [Петров, 1995; Петров, 2004]. Социокод понимался Петровым как система внебиологического кодирования социально обусловленной информации, позволяющая эту информацию хранить и передавать с возможностью выявления общих для членов общества значений и смыслов. Применение общего социокода позволяет сохранять целостность общественно необходимых знаний и интеллектуальных умений, объединять в общей деятельности представителей разных сфер деятельности и обладателей разных фрагментов такого знания, обеспечивать стабильность общества и передачу социального необходимого знания следующим поколениям [Петров, 2004. С. 39, 87].

Известно, что любая информация существует только в закодированном виде. Такими кодами могут быть естественные и искусственные языки, например, русский или английский, языки программирования и кодирования данных в компьютерах с помощью битов. Любой такой информационный код представляет форму, из которой человеческий разум может извлекать смыслы по тем или иным признакам кодов доступных ему конкретных сообщений. Умения и навыки извлечения смыслов из кодировок сообщений являются для каждого человеческого индивида социокультурными, формируемыми в процессе его социализации. А для обществ эти навыки и умения — важнейшие составляющие человеческой культуры, определяющие целую систему стереотипов восприятия сообщений и их типовых смыслов в различных ситуациях. Большинство ситуаций человеческой коммуникации — типовые, стандартные, стереотипы восприятия которых и типовые смыслы помогают быстрее и эффективнее понимать эти ситуации и осуществлять адекватные им социальные действия. Поэтому любой информационный код во многом определяет смыслы передаваемых и воспринимаемых людьми сообщений.

Социокод, как и любой другой код для формирования сообщений в коммуникации индивидов, не предопределяет полностью смыслы, извлекаемые этими индивидами из получаемых сообщений, а тем более не предопределяет их социальное поведение в соответствии с полученной информацией. Но одни социокоды более адекватно, чем другие, представляют те или иные стереотипы восприятия реальности и типовые ситуации. Поэтому систематическое использование того или иного социокода формирует у индивидов приверженности соответствующим ему стандартам и типовым вариантам социального поведения. Однако в новых, сложных, нестандартных, нетиповых ситуациях извлечение смыслов из сообщений с социально значимой информацией может потребовать творчества. И разные типы социокодов в разной степени способствуют проявлениям такого творчества в извлечении смыслов из сообщений, а потому в разной степени способствуют осмыслениям новых, сложных, нестандартных, нетиповых ситуаций. Это один из значимых факторов связи разных социокодов с разными типами социального поведения, характерными для тех или иных обществ.

В процессе развития человечества типы социокодов менялись, всего таких основных типов М.К. Петровым было выделено три, он назвал их лично-именным, профессионально-именным и универсально-понятийным. Лично-именной социокод был присущ первобытному обществу, в нем частные подпрограммы действий в типичных ситуациях распределяются по конечному числу имён, обычно взрослых индивидов, и определяют социальные действия обладателя того или иного имени в этих ситуациях. В результате каждый взрослый индивид — обладатель того или иного имени — исполнитель связанных с этим

именем социальных ролей, передаваемых через поколения. Поэтому в таких обществах имена необходимо было менять при изменениях социальных ролей и, соответственно, при исполнении связанных с ними социальных действий. Например, имена обычно менялись при переходе из детского социального статуса во взрослый, а затем — при переходе к статусу старика, если до такого возраста удавалось дожить [Петров, 1995. С. 195–196; Петров, 2004. С. 27, 97–98, 105–106].

С появлением земледелия и первых государств, власть в которых обеспечивала коллективную согласованную деятельность многих индивидов, произошла смена лично-именного социокода на профессионально-именной. В таких ранних земледельческих государствах многие индивиды исполняли схожие социальные роли, их личные имена по этой причине уже невозможно было определять по этим ролям. Но общности профессий и их названия продолжали определять исполняемые индивидами социальные роли, обеспечивая достаточно адаптивные к новым типам ситуаций совокупности знаний и интеллектуальных умений. В профессионально-именном социокоде индивид принадлежал к своей профессиональной группе, существенно зависел от своего вида деятельности, от своего ремесла, нередко передававшегося по наследству. При таком социальном кодировании становится необходимым обеспечивать социальную интеграцию представителей разных профессиональных групп (в частности, по их названиям, именам, как кодам) для осуществления согласованных общих действий, например, сооружения и управления плотинами для распределения воды по полям, защиты от нападений врагов и т.п. Такую социальную интеграцию выполняют традиции, ритуалы, мифы, общая мораль и индивидуальная нравственность, и, конечно, государственная власть [Петров, 1995. С. 197–198; Петров, 2004. С. 105–107].

Профессионально-именное социальное кодирование обеспечивает стабильность обществ и государств, но в тех условиях, когда нет проблемы нового будущего. К будущему, повторяющему прошлое и настоящее, такие общества и государства хорошо адаптированы. Именно профессионально-именное социальное кодирование можно считать нормой в развитии обществ и государств с древности до настоящего периода. Но в силу устойчивости ритуалов и профессиональных навыков такие общества и государства обладают низкими возможностями адаптации к резко и быстро меняющимся воздействиям природных (многолетние неурожаи, исчерпание природных ресурсов, которыми можно выгодно торговать, потопа и т.п.) и социальных (нападения сильных врагов) факторов. Повысились эти возможности адаптации, когда в античной Греции возник иной социокод, названный Петровым универсально-понятийным [Петров, 1995. С. 221, 234–235; Петров, 2004. С. 145]. Этот социокод доминирует в обществах и государствах, продолжающих и развивающих принципы социальной организации античности, прежде всего в европейских и североамериканских.

Для универсально-понятийного социокода характерно разделение трудовой деятельности на управленческую и исполнительскую, на умственную и физическую с формированием социально значимых ролей управляющих и исполнителей. Отношения власти и подчинения не стали для такого социального кодирования новыми, они существовали задолго до его появления. Новыми стали функциональная нагруженность ролей управляющих и исполнителей, устойчивость информационных каналов обменов информацией, позволяющих общие указания управляющих довести до конкретных действий по получению необходимых результатов. Отличие от профессионально-именного социокода здесь в том, что действовать приходится и в нестандартных ситуациях, когда никакие управляющие не могут передать управляемым полные и точные программы решений проблем [Петров, 2004. С. 145–146]. В таких ситуациях управляющим и исполнителям приходится проявлять творчество и совместно искать решения, формировать необходимые программы решений проблем. Поэтому, как пишет М.К. Петров, «европейская социальность первой санкциони-

рвала отклонение от нормы как таковой, сделала социально значимыми и подлежащими трансляции такие понятия, как «талант», «уникальность», «оригинальность», «автор», «плагиат» и т.п.» [Петров, 2004. С. 147].

Логичным продолжением этих особенностей универсально-понятийного социокода является включение в него универсальных гражданских навыков: организации совместной жизни и участия в управлении государством и своим сообществом, несения военной службы большинством мужчин, исполнения различных гражданских обязанностей и другие. Эти навыки универсальны потому, что ими должны обладать все граждане, независимо от их профессий и родов занятий [Петров, 2004. С. 148]. Именно такие особенности этого социокода и позволяют назвать его универсально-понятийным, соединяющим общественное и личное, общие понятия и частные, конкретные программы решения проблем.

Использование универсально-понятийного социокода в течение многих веков, начиная с античности, привело в Западной Европе примерно к XVI–XVII вв. к появлению науки в более или менее её современном понимании — с рациональными построениями гипотез и их проверками эмпирическими методиками. И с этого периода наука при использовании универсально-понятийного социокода стала заменой архаического способа изменения известного знания, накопления и осмысления нового знания [Петров, 2004. С. 262, 276]. Развитию науки способствовало развитие капитализма в Западной Европе, потому что наука помогала буржуазии повышать прибыли за счёт роста производительности труда, сокращения живого труда на единицу произведённой продукции, расширения рынков, нахождения новых мест и форм приложения капиталов [Петров, 2004. С. 275]. Фактически, во всех обществах и государствах с доминированием универсально-понятийного социокода наука превратилась в наиболее значимый и наиболее эффективный инструмент их модернизации, внедрения инноваций, развития и совершенствования разнообразных технологий. Доминирование профессионально-именного социокода, а тем более — лично-именного исключает появление науки в её современном понимании, не позволяет использовать её достижения, потому что они противоречат способам передачи и накопления знаний, принятым в обществах с этими архаическими социокодами.

М.К. Петров отмечает, что благодаря всему этому комплексу характеристик универсально-понятийного социокода, использующие его европейские общества в сравнении с другими получили намного более широкие возможности адаптации к изменениям привычных, «обжитых» форм существования. Члены таких обществ и целые социальные группы предпочитают в сложных ситуациях существования искать новые занятия, осваивать новые профессии, находить новые технологии решений проблем, когда старые не срабатывают [Петров, 2004. С. 149]. Поэтому из трёх известных типов социокодов только универсально-понятийный способен обеспечить реально функционирующие институты рыночной экономики, инноваций и демократии, технический прогресс и обеспечение прав и свобод человека и гражданина [Медведев, Медведева, 2013. С. 23-29]. По этой причине два других типа социокода будем относить к архаическим.

Проявления архаизации в современной России

Архаизация в современной России имеет много проявлений, но для осуществления модернизации и решения важнейших стратегических проблем страны наиболее существенными являются три из них. Это доминирование в органах власти профессионально-именного социокода, проявления сословности в обществе и раздаточный характер российской экономики.

Исследования жизненного мира российских чиновников сложно проводить в силу существенной закрытости этой социальной группы для социологических и психологиче-

ских методик. Тем не менее в 2012–2013 гг. такое исследование было выполнено совместно несколькими исследовательскими коллективами в соответствии с Государственным заданием по теме: «Мировоззрение государственных и муниципальных служащих Российской Федерации: профессиональная этика, политические воззрения, особенности взаимодействия с центральной властью и местным населением» [Российский чиновник, 2015. С. 5]. В этом исследовании жизненный мир понимался по А. Шюцу, как мир повседневной реальности индивида. В свой жизненный мир он погружён, в нём соотносятся его опыт и деятельность. Этот мир конструируется его сознанием, включает непосредственные знания, представления, прошлые переживания, наделяя их смыслами. Жизненный мир индивида определяется не только им самим, но и освоенной им культурой и принятыми в ней типами коммуникации [Российский чиновник, 2015. С. 6; Половинкина, 2004. С. 214]. По этим причинам жизненный мир российского чиновника во многом определяется освоенным им социокodem, а исследование коммуникации в его жизненном мире позволяет определить характеристики типа этого социокodem.

Одним из результатов исследования 2012–2013 гг. стало описание пространства смыслов, используемых чиновниками в коммуникации [Российский чиновник, 2015. С. 26–27]. Центральным таким смыслом стала жёсткая дисциплина с подчинением своему начальнику и делегированием ему своих прав и свобод при выполнении собственных служебных обязанностей. Среда государственного управления отделена в пространстве смыслов от политики и общественной деятельности, поскольку задача профессиональной деятельности чиновников — обеспечение порядка через трансформации общих правил в специфические решения. Принятие решений по общественно значимым проблемам отдаётся на уровень высшей бюрократии, высокопоставленных должностных лиц государственного управления. Эти представители высшей бюрократии весьма образованны, имеют возможности коммуникации с исследовательскими, научными организациями. Но эти же представители высшей бюрократии привержены сословности, самоизоляции от тех, кто не входит в круг их профессиональной коммуникации (а учёные в этот круг не входят), чрезвычайно заняты исполнением своих обязанностей и потому не имеют реальных возможностей глубоко разбираться в проблемах и принимать решения, позволяющие их эффективно решать. Рядовые сотрудники государственного управления не участвуют в принятии решений, они только исполняют решения вышестоящего начальства. Основная профессиональная деятельность таких исполнителей — канцелярская работа и осуществление документооборота [Российский чиновник, 2015. С. 27–28].

Исследователи делают вывод о том, что высшие должностные лица государственного управления направляют интеллект на обеспечение «своего выхода за пределы юрисдикции общих правил», поскольку это необходимо для принятия решений на их уровне. Но этот выход «на деле поддерживает бюрократическую игру», т.е. формальное следование нормам текущего законодательства, а также следование кодифицированным и неформальным правилам поведения в своей социальной среде. Диалог высших должностных лиц государственного управления с другими социальными группами, включая исследователей и учёных, существенно затруднён [Российский чиновник, 2015. С. 29–30]. А уровень исполнителей в системе государственного управления вообще не имеет задач и, соответственно, представлений о том, как такой диалог можно вести и использовать в своей профессиональной деятельности, в том числе для решений общественных, экономических, политических и государственных проблем.

Получается, что жизненный мир как высших должностных лиц, так и исполнителей в системе государственного управления России практически не включает представлений и смыслов, относящихся к научно обоснованным решениям общественно значимых проблем в широком смысле. Такую характеристику их жизненного мира можно объяснить приверженностью профессионально-именному социокodemу, при использовании которого

сложно, а иногда и просто невозможно понимать смыслы понятий и концепций современной науки. Для представителей российского государственного управления наука по большей части остаётся составляющей их образования, но не инструментом осуществления профессиональной деятельности, что было бы характерно при использовании ими универсально-понятийного социокода.

Явления сословности в российском обществе не признают многие исследователи. А российские граждане и представители элит не признают и не осознают свою принадлежность тем или иным сословиям, никогда в этом не признаются. На уровне государственного управления в современной России формально сословий не существует, в частности, формально нет норм законов, определяющих те или иные сословия. Поэтому в социологических или статистических исследованиях весьма сложно получить информацию о том, к какому сословию принадлежит конкретный гражданин, а тем более, каковы численности сословий в нашей стране [Дехант, Моляренко, Кордонский, 2012].

И тем не менее многие существенные признаки сословий в российском обществе есть. Так, в России действуют законы, определяющие особые права, обязанности и привилегии для конкретных социальных групп, например судей, прокуроров, полицейских, представителей Росгвардии, высших должностных лиц государственной службы, высших должностных лиц военной службы и других. По сути, это выделение российским государством таких социальных групп в отдельные сословия, которые выполняют определённые функции для государства и от него получают за это определённые привилегии. Но и общие нормы законов в современной России применяются по-разному для разных сословий, например, богатые и влиятельные почти всегда получают в судах решения в свою пользу, если судятся с бедными и невлиятельными. Так фактически, применением норм законов, осуществляется разделение российского общества на сословия. Эти новые современные сословия, безусловно, отличаются от существовавших в имперский период развития России с XVIII в., но имеют с ними и довольно много общих характеристик. А главное — в современной России сохраняется и развивается принцип сословности в выделении государством социальных групп для выполнения тех или иных функций, служений, как это было в имперский период.

Понятие сословия в современной социологии не получило достаточной определённости. Далее под сословием вслед за Сергеем Волковым и Симоном Кордонским будем понимать социальную группу, которая обладает законодательно определёнными правами, обязанностями и соответствующими им привилегиями, отличающими эту социальную группу от других [Волков, 2012]. С.Г. Кордонский дополняет это понимание сословия тем, что оно вводится «для описания иерархий служения, или обслуживания, прав и привилегий» [Кордонский, 2008. С. 24]. Имеется в виду, что некоторые сословия специально создаются для обслуживания наиболее значимых для государства так называемых «титულных сословий». И при этом все сословия в нашей стране определяются государством как компоненты системы «взаимного служения и обслуживания, традиционной или рационально введенной государством», и постоянно воспроизводятся, в частности, потому, что «люди с рождения социализируются» в этой системе, иную в большинстве своём они не имеют возможности себе представить [Кордонский, 2008. С. 27].

Государство распределяет ресурсы сословиям для выполнения ими определённых функций, служений государству или обслуживания других сословий, распределяет также доходы за это служение или обслуживание членов сословий дифференцированно, в соответствии с их социальными статусами. Поэтому в современной России доминируют различные виды и формы распределений ресурсов, обеспечивающих благосостояние граждан пропорционально значимости их служений для государства и обслуживания других сословий: жалования, зарплаты государственных служащих, сословные ренты, гонорары, довольствия, пенсии, пайки и другие, а не рыночные формы «оплаты по труду и доходов от бизнеса» [Кордонский, 2008. С. 27–28].

Примерами российских сословий, помимо упомянутых выше, могут быть, скажем, государственные гражданские и муниципальные служащие постсоветского периода, а также сословия военнослужащих и пенсионеров, созданные в советский и продолжающие существовать в настоящее время [Дехант, Моляренко, Кордонский, 2012]. Существуют в нашей стране и члены общества, формально не включённые в официальные сословия, например, маргиналы разного рода: «судимые, осужденные и ограниченные в правах (в том числе — военнослужащие по призыву)», а также потерявшие по тем или иным причинам принадлежность к своему бывшему сословию [Дехант, Моляренко, Кордонский, 2012]. Но фактически при наличии определённых законом и традицией сословий те, кто в них не включён, также образуют особое сословие, имеющее ограничения в правах и минимальный набор обязанностей по служению государству. Можно утверждать, что в соответствии с таким подходом наличие даже одного сословия превращает общество в сословное и потому необходимо признать сословным общество современной России.

Сословность является одной из основных характеристик обществ с доминированием профессионально-именного социоклада с их жёстким делением по профессиям, служениям и обслуживаниям, поддерживаемым и развиваемым государством. А для современных обществ с доминированием универсально-понятийного социоклада сословность не характерна, хотя и там некоторые сословия сохраняются по традиции, но они не создаются государством. И принадлежность к сословиям в таких современных обществах не определяет ни доходы, ни уровни благосостояния их членов. В таких современных обществах можно и нужно в соответствии с выборами индивидов менять профессии в течение жизни, заниматься или служением государству, или самореализацией в сферах, приносящих доходы и благосостояние независимо от государства.

В современной России сословия сосуществуют с другими элементами социальных структур, в первую очередь с классами. Вслед за Уильямом Ллойдом Уорнером и Симоном Кордонским будем называть классами элементы социальной стратификации общества, определённые по уровням потребления их членов. А сословия, в отличие от классов, определяются иерархиями «служения или обслуживания, прав и привилегий» [Кордонский, 2008. С. 24]. Во всех современных обществах классы и сословия сосуществуют и воспроизводятся в социальных практиках, но в современной России сословная дифференциация общества доминирует над классовой и существенно определяет социальное поведение большинства граждан [Кордонский, 2008. С. 26]. В своём служении или обслуживании сословия, как правило, с помощью государства, определяют свои предпочтения по монопольным правам на использование или освоение того или иного ресурса [Кордонский, 2008. С. 31].

Современные российские сословия сосуществуют и с профессионально-отраслевыми корпорациями [Волков, 2012], которые государство также либо создаёт, либо предоставляет им право использования или освоения того или иного ресурса (в условиях России, как правило, невозобновляемого: нефти, природного газа, цветных металлов, леса и других). Такие профессионально-отраслевые корпорации объединяют их членов некоторыми общими интересами, нередко независимо от социальных статусов и принадлежности к разным сословиям [Волков, 2012]. Главными этими общими интересами у всех членов профессионально-отраслевых корпораций являются сохранение прав, нередко монопольных, использования или освоения того ресурса, который им определило государство. И в этой направленности своей деятельности российские профессионально-отраслевые корпорации сходны с российскими сословиями. (Поскольку описание именно этой направленности, но не компонентов социальной структуры российского общества, — одна из задач настоящей статьи, далее профессионально-отраслевые корпорации наряду с сословиями упоминаться не будут.)

Можно утверждать, что Россия, начиная, как минимум, с имперского периода XVIII в. и до настоящего постсоветского периода, была и остаётся ресурсным государством,

в котором «ресурсы не преумножаются, а распределяются — делятся между сословиями» [Кордонский, 2008. С. 37]. Ресурсы осваивают сословия, которым это доверено государством. Сословия менялись в течение исторического развития. В имперской России существовали одни сословия (дворянство, духовенство, купцы, мещане, крестьяне и др.), в СССР — другие (номенклатура, интеллигенция, рабочие и крестьяне), в постсоветской России — третьи (государственные гражданские служащие, муниципальные служащие, различные «силовики», среди которых также существует своя градация, судьи и другие). Но главной задачей всех этих сословий было и остаётся именно освоение ресурсов, определённых для них государством. Задачи расширения ресурсов сословия не решают. Ресурсы могут быть приращены только экстенсивно, за счёт расширения так называемой «ресурсной базы» [Кордонский, 2008. С. 37]. Результат освоения ресурсов тем или иным сословием — удовлетворение соответствующей «нормативной потребности или создание некоего изделия», а освоенные объёмы ресурса перестают существовать как единицы учета и списываются. Расширенное воспроизводство ресурсов, деятельность, производящая новые ресурсы, являющаяся важнейшей для постиндустриальной экономики, остаётся за границами пониманий и смыслов современного мира у постсоветских российских сословий [Кордонский, 2010. С. 39].

Российская экономика, устойчиво функционирующая на принципах освоения ресурсов сословиями в течение нескольких последних столетий, существенно отличается от той, которую в современном мире принято называть рыночной. Многолетние исследования О. Э. Бессоновой позволили ей обосновать вывод о том, что «сущность экономических отношений России выражается в механизмах «сдач-раздач», в отличие от механизмов «купли-продажи», и потому экономику России можно охарактеризовать как раздаточную» [Бессонова, 2006. С. 6]. По определению Бессоновой: «Раздаточная экономика — экономическая система, в которой нерыночные механизмы играют доминирующую роль, а рыночные — вспомогательную. Модель раздатка включает отношения сдач-раздач, общественно-служебную собственность и административные жалобы в виде обратной связи, а модель рынка — это отношения купли-продажи, частная собственность и прибыль как сигнальный институт» [Бессонова, 2018. С. 22].

Раздаточный характер российской экономики хорошо согласуется с сословным характером российского общества. Раздачи ресурсов подданным в имперский период или гражданам в советский и постсоветский период осуществляло и осуществляет государство. В ответ, соответственно, подданные или граждане осуществляли и осуществляют «сдачи» для пополнения государственного бюджета. А из него впоследствии осуществляются раздачи по чинам (сословиям) и по заслугам перед государством. В процессе многовековой эволюции эта система сдаточно-раздаточных отношений выработала пропорции сдач-раздач, обеспечивающие её динамическую стабильность. При отклонении от этих пропорций система с помощью жалоб или доносов — своеобразной обратной связи — балансирует раздаваемые и получаемые потоки ресурсов, что сохраняет динамическое равновесие такой экономики [Бессонова, 2006. С. 6–12]. Получается, что в раздаточной экономике России применяются «механизмы неценовой регуляции» через жалобы, а деньги и цены обслуживают «сдаточно-раздаточные отношения», но не рыночные [Бессонова, 2006. С. 14].

Из истории России известно, что бунты, революции и перестройки, возникавшие вследствие нарушений механизмов сдач-раздач и обратной связи в виде жалоб, могли разрушать старые сословные системы. Но известно также, что затем с неизбежностью возрождались новые сословные системы, с новыми сословиями, и снова с экономикой, функционирующей по тому же принципу сдач-раздач и жалоб для обратной связи [Кордонский, 2008. С. 38].

Проявления сословности в российском обществе и сдаточно-раздаточные отношения в нём наиболее адекватно и без особых противоречий представляются профессиональ-

но-именным социокодом. Иначе говоря, в сознании большинства российских граждан, независимо от их социальных статусов, социальные явления сословности и сдаточно-раздаточных отношений кодируются профессионально-именным социокодом с возможностями извлечения из закодированных сообщений адекватных смыслов. Приверженность этому социокоду в органах власти оценивается большинством российских граждан как естественное и понятное им явление, потому что их система социального кодирования во многом такая же.

Информатизация сословной системы и раздаточной экономики

Информатизацией будем называть процесс внедрения и использования современных информационных технологий для решений различных прикладных задач и проблем в различных сферах человеческой деятельности. А современными информационными технологиями будем считать те, которые основаны на использовании компьютеров и компьютерных сетей.

В соответствии с описанными выше проявлениями архаизации информатизация России представляет собой информатизацию сословной системы и раздаточной экономики при доминировании профессионально-именного социокода в осмыслении социальной реальности и в социальной коммуникации. Эта совокупность факторов создаёт существенные проблемы и для модернизации, и для информатизации нашей страны. Осуществить эмпирическую проверку этой гипотезы затруднительно, потому что дискурс сословности, раздаточной экономики и социокодов практически не знаком российским гражданам, с ними невозможно вести исследовательские интервью о смыслах и использовании этих понятий. И даже понимая смыслы этих понятий, граждане вряд ли смогли бы с их помощью объяснить особенности своего социального поведения. А наблюдения за ними без понимания их реальных мотивов могут дать лишь более или менее правдоподобные предположения о приверженности граждан профессионально-именному социокоду, сословности и реалиям раздаточной экономики. Ещё сложнее обнаружить такие приверженности в действиях должностных лиц государственной службы, принимающих политические и государственные решения о направлениях развития нашей страны, в частности о направлениях её информатизации. Здесь причина в существенной закрытости системы принятия политических и государственных решений в нашей стране. Но через анализ уже принятых решений вполне возможно сформулировать некоторые предположения о мотивах принятия таких решений, о том, насколько соответствующие должностные лица привержены профессионально-именному социокоду, сословности и реалиям раздаточной экономики. Ведь после их принятия решения на политическом и государственном уровне становятся широко известными. Приведу некоторые примеры таких решений и их характеристик, а также особенностей социального поведения, свидетельствующих о справедливости предложенной гипотезы.

Носители профессионально-именного социокода привержены освоенным ими ритуалам, совершаемым в тех или иных ситуациях. Внедрение и использование современных информационных технологий в нашей стране осуществляется с сохранением освоенных и привычных ритуалов, что существенно препятствует росту эффективности информационной деятельности, лишь ненамного ускоряет коммуникационные процессы, не меняя их по существу. Наибольший эффект применение современных информационных технологий дало бы при перестройке человеческих коммуникаций под новые возможности, открываемые этими технологиями.

Так, Портал государственных услуг Российской Федерации¹ позволяет гражданам с помощью электронного сервиса заказывать необходимые им справки из органов власти. Заказы таких справок стали для граждан удобнее, чем раньше, а сами справки стали оформляться и выдаваться быстрее. Но эти новые сервисы портала не изменили суть взаимодействий граждан с органами власти. Ведь в большинстве случаев информация для необходимых гражданам справок извлекается из электронных баз и хранилищ данных в органах власти. И поэтому от таких справок можно было бы вообще отказаться, а заинтересованные органы власти или организации могли бы сами обращаться с запросами в органы власти, ведущие эти базы и хранилища данных с информацией о гражданах, и напрямую получать необходимые сведения о них. При этом, конечно, каждый гражданин должен был бы иметь возможность отказаться от такой передачи информации о себе из одного органа власти в другой или в ту или иную организацию без своего личного контроля. И только в случаях таких их отказов граждане должны были бы оформлять справки с информацией о себе. Но в органах власти сильно стремление сохранить привычный, хорошо освоенный ритуал обоснования сведений о гражданах с помощью оформления соответствующих справок в бумажном виде. Поэтому современные информационные технологии формирования электронных справок с заполнениями их полей из баз и хранилищ данных без участия граждан не используются с максимальной эффективностью, не экономят время и граждан, и сотрудников органов власти, оформляющих им эти справки.

В нашей стране медленно осуществляется переход на электронный документооборот и в органах власти, и в крупных государственных организациях, и в частном бизнесе. Как правило, после внедрения электронный документооборот становится второстепенным/дублирующим видом документооборота. Основным в соответствии с привычными ритуалами остаётся документооборот бумажный. Доверие к электронным документам в нашей стране остаётся низким, поэтому документы во многих случаях лишь готовятся в электронном виде, а используются в бумажном. Это приводит к тому, что скорость документооборота определяется скоростью бумажного документооборота. Кроме того, даже после внедрения электронного документооборота приходится сохранять старые, привычные процедуры их согласований на бумаге, вести архивы бумажных документов, осуществлять затраты на бумагу, на эксплуатацию печатающих и копирующих устройств, на канцелярские принадлежности, на сохранение должностей работников, участвующих в бумажном документообороте. И в результате не удаётся использовать такие преимущества электронного документооборота, как, например, детальный контроль подготовки документов, быстрый обмен подготовленными документами и их быстрое согласование, защита документов шифрованием (ведь с их содержанием можно ознакомиться на бумажных носителях), всегда остаётся возможность расхождения содержания электронного и бумажного вида одного и того же документа. И тогда во многих случаях внедрение электронного документооборота оборачивается неоправданными затратами временных и финансовых ресурсов.

Данные в электронном виде стали рассматриваться некоторыми российскими сословиями как новые ресурсы для освоения. Так, для решения задач освоения ресурсов цифровой экономики была учреждена Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»², на сайте которой можно найти, что она создана «в целях предоставления услуг в сфере развития цифровой экономики в Российской Федерации». Инициатива по созданию этой организации принадлежала государству, об этом в 2017 г. говорил публично председатель правительства РФ Дмитрий Медведев³. И эта организация занимает одну

¹ Портал государственных услуг Российской Федерации. <https://www.gosuslugi.ru>.

² Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика». <https://data-economy.ru>.

³ АНО Цифровая экономика // Сайт TAdviser. http://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Цифровая_экономика_АНО.

из ключевых позиций по распределению ресурсов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», являясь совещательным органом управления этой программой. Поэтому Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика» существенно влияет на «стратегические и технические вопросы» реализации этой программы, формируя «запросы от бизнеса» органам государственной власти, проводя её мониторинг и оценивание⁴. В логике раздаточной экономики эта организация имеет возможности распределять и доступ к разнообразным данным на компьютерных носителях и государственные финансы. В сферу её ведения попадают и ведущие компании в сфере российских информационных технологий. Безусловно, окончательные решения по распределению этих ресурсов принимают соответствующие органы власти, но Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика» эти решения готовит, а затем оценивает их исполнение. Деятельность данной организации хорошо соответствует сословной логике распределения появившихся новых ресурсов цифровой экономики между её ведущими субъектами.

Существенно тормозит информатизацию органов власти недоверие их руководителей и служащих исследованиям при внедрениях информационных технологий. В частных бизнесах России ситуация несколько лучше, в них такие исследования проводятся чаще, но их опыт в сфере информатизации органы власти перенимают с трудом. А ведь без исследований реальных потребностей, обоснований достижимости поставленных целей и прогнозирования эффектов от внедрения современных информационных технологий автоматизация информационных процессов в органах власти осуществляется и будет осуществляться с рисками расхождений желаемого с реальным.

Именно это и происходит с информатизацией российских органов власти. Недостаточность исследований научно обоснованными методиками приводит к тому, что автоматизируемые информационные процессы слабо формализованы⁵. Современные информационные технологии могут применяться и при низких уровнях формализации, но чем выше будут эти уровни, тем выше окажется и эффективность информатизации. В нашей стране формализацию информационных процессов в органах власти нередко понимают упрощённо, как их унификацию. Но сложность и разнообразие задач управления, решаемых различными органами власти, существенно препятствует такой унификации⁶. Найти возможности формализации информационных процессов в различных органах власти можно было бы по результатам конкретных научно обоснованных исследований того, как они реально осуществляются. Но такие исследования проводятся редко и столь же редко позволяют повысить уровни формализации информационных процессов в органах власти. Это проявляется в недостаточно высоком уровне финансирования и редком осуществлении НИОКР⁷ в сфере информатизации. Об этом ещё в 2013 г. весьма откровенно высказался Алексей Хромов, руководитель Дирекции по информационным технологиям Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации: «Я не понимаю, каким образом можно перевести на качественно новый уровень серьёзную разработку, на которую потрачено много денег, без промежуточной работы и осознания того, какие усовершенствования необходимы»⁸. Фактически, Хромов высказался за осу-

⁴ АНО Цифровая экономика. Указ соч.

⁵ Формализация здесь понимается как сведение содержания той или иной деятельности к такой её форме, которая позволяет осуществить построение информационно-логической модели этой деятельности. Затем такая модель используется для разработок программного и аппаратного обеспечения решения задач, существующих в этой деятельности, т.е. для её информатизации.

⁶ Коломыченко М. Озвучены главные проблемы информатизации госсектора в России. Выступление руководителя дирекции по ИТ в Аналитическом центре при Правительстве РФ Алексея Хромова на CNews Forum 2013 // Сайт CNews.ru. URL: https://cnews.ru/news/top/ozvucheny_glavnye_problemy_informatizatsii.

⁷ НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

⁸ Коломыченко М. Указ. соч.

ществование информатизации органов власти с существенными изменениями привычных ритуалов информационной деятельности по результатам исследований, проводимых по научно обоснованным методикам. Это необходимо хотя бы для адаптации таких ритуалов к возможностям современных информационных технологий. Но, конечно, ещё эффективнее было бы отказаться от ритуалов, привычных в старых системах принятия решений и управления, и заменить их на новые, более адекватные современным возможностям. Но за прошедшие годы такого рода изменений в органах власти не произошло, в них продолжается информатизация привычных, хорошо освоенных ранее ритуалов информационной деятельности.

Мировая практика показывает, что эффективности информатизации существенно способствует выработка и систематическое следование стандартам в этой сфере. Дело в том, что в информатизации следование стандартам, рационально разработанным и проверенным практикой, позволяет гарантировать необходимые уровни надёжности, устойчивости и эффективности работы современных информационных технологий. Разработка таких стандартов весьма сложна, требует привлечения высококвалифицированных экспертов, постоянного мониторинга использования информационных технологий, а потому нередко занимает длительное время и требует немалых объёмов финансирования. А практика проверки стандартов информатизации должна быть массовой, лучше всего, чтобы в таком тестировании учитывался опыт их применения по всему миру. Сейчас же разработка российских национальных стандартов информатизации не планируется на длительные периоды, не получает достаточного финансирования, не считается приоритетной задачей органов власти. А число российских пользователей явно недостаточно для обеспечения массового тестирования применений стандартов информатизации в разнообразных ситуациях. Потому в нашей стране приходится просто переводить на русский язык иностранные и международные стандарты в этой сфере без их адаптации к российским условиям. Но без адаптации такие стандарты плохо соответствуют российским реалиям, поэтому редко соблюдаются в российских органах власти⁹, что существенно снижает надёжность, устойчивость и эффективность работы внедряемых в них современных информационных технологий.

Описанные выше особенности использования в России науки и технологий, не только информационных, но и многих других, характерны для обществ и государств с доминированием в коммуникации профессионально-именного социоклада. По этой причине в российских органах власти редко используются научные разработки, для которых характерно «активное использование логического формализма для создания новых логических структур — гипотез и планирование на основе гипотез экспериментов, способных подтвердить или опровергнуть истинность положенных индивидуальным мышлением в основу гипотезы новых логических связей» [Петров, 1995. С. 200]. Профессионально-именной социоклад сильно затрудняет выявление смыслов, необходимых для понимания таких научных разработок. И потому нередко российские органы власти заказывают исследования или даже имитации исследований только для подтверждения ранее принятых ими решений. Проверка гипотез, что является основой современной опытной науки, российскими органами власти практически никогда не осуществляется. На такие проверки наши органы власти не объявляют конкурсы, не выделяют ни времени, ни финансирования. А без них крайне сложно осуществлять подбор наилучших решений в сфере информатизации, и напротив — постоянно выявляются проблемы с использованием решений, прошедших опытную эксплуатацию или даже уже внедрённых. И происходит это потому, что данные проблемы не удалось предусмотреть заранее.

Такое отношение к научным разработкам в информатизации, а с конца 2018 г. — к цифровизации, в связи с принятием национальной программы «Цифровая экономика

⁹ Там же.

Российской Федерации»¹⁰, приводит к замедленному внедрению информационных технологий и систем и в органах власти, и в других сферах. С одной стороны, органы государственной власти или государственные компании составляют около 80% заказчиков на рынке информационных технологий¹¹, а с другой — по итогам 2019 г. уровень исполнения расходов этой национальной программы оказался одним из самых низких — 73,33%¹². Ее реализация — одна из самых сложных в нашей стране. Поэтому так сложно своевременно осуществлять бюджетные расходы на входящие в неё проекты.

Внедрение современных информационных технологий в органах власти встречает явное и скрытое сопротивление ещё и потому, что, как это всегда происходит в сословных обществах и государствах, появление новых технологий меняет систему осваиваемых ресурсами, нарушает поддерживаемое ими взаимное равновесие, необходимое для стабильности государства и экономики [Кордонский, 2008. С. 125]. В нашей стране в условиях осуществления информатизации и использования данных в электронном виде как нового ресурса необходимо решить социальные проблемы установления нового равновесия сословий — осваиваемых ими ресурсов и соотношений влияния в новых условиях. Эти социальные проблемы было бы легче решать по результатам объективных научных исследований, которым, как было показано выше, российские органы власти не доверяют и крайне редко проводят. А интуитивный или основанный на опыте других стран поиск решений таких социальных проблем может затягиваться на десятилетия.

* * *

Современные информационные технологии — лишь инструменты осуществления человеческой деятельности. С их помощью можно осуществлять модернизацию страны, но можно и поддерживать привычные, хорошо освоенные, но уже устаревшие ритуалы осуществления государственного управления и реалии раздаточной экономики. К сожалению, в современной России государственные проекты и программы, определявшие и определяющие возможности информатизации, осуществляются в логике, диктуемой профессионально-именным социокодом, сословностью и раздаточной экономикой. И пока эта логика не будет изменена, будет оставаться невысокой эффективность информатизации органов власти, а вместе с ними и других сфер деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер А. С. (2001). Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 89–100.
- Ахиезер А. С. (1995). Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // *Мир России*. № 1. С. 3–57.
- Бессонова О. Э. (2018). Институциональное развитие России: переход к контрактному раздатку // *Мир экономики и управления*. Т. 18. Вып. 2. С. 21–34. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-2-21-34>.
- Бессонова О. Э. (2006). Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). (Серия «Россия. В поисках себя...»).
- Волков С. В. (2012). К вопросу о социальном делении общества РФ [Электронный ресурс] // *Отечественные записки*, № 1. <http://www.strana-oz.ru/2012/1/k-voprosu-o-socialnom-delenii-obshchestva-rf> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁰ Опубликован паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // 11 февраля 2019, 09:00. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. <http://government.ru/info/35568>.

¹¹ Результаты опроса экспертов, представленных в публикации: «Наталья Рудычева. «Цифровая экономика» начинает... и пробуксовывает // Москва. Сайт CNews.ru. https://www.cnews.ru/reviews/ikt_v_gossektore_2019/articles/gossektor_stanovitsya_zakonodatelem.

¹² Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // Официальный сайт Счётной палаты Российской Федерации. URL: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-4/index.html>.

- Дехант Д., Моляренко О., Кордонский С. (2012). Сословные компоненты социальной структуры России [Электронный ресурс] // Отечественные записки, № 1. <http://www.strana-oz.ru/2012/1/soslovnyye-komponenty-socialnoy-struktury-rossii> (дата обращения: 01.03.2020).
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ.
- Кордонский С.Г. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Кордонский С. (2010). Россия. Поместная федерация. М.: Издательство «Европа».
- Медведев А., Медведева Е. (2013). Как появилась рыночная экономика и возможна ли она в современной России? М.: Буки Веди.
- Петров М. К. (1995). Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН.
- Петров М. К. (2004). Язык, знак, культура / Вступит. ст. С.С. Неретиной. 2-е изд., стереот. М.: Едиториал УРСС.
- Половинкина С. В. (2004). Жизненный мир в концепции А. Шюца [Электронный ресурс] // Сборник работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17–20 мая 2004 г., г. Минск: в 3 ч. / [редкол.: А. Г. Захаров (ответственный редактор) и др.]. Минск. Ч. 3. С. 213–216. <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/178908/1/213-216.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).
- Римский В.Л. (2018). Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 5. СПб.: Интерсоцис. С. 150–179. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.6>.
- Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих (2015) / Под ред. Д.М. Рогозина. М.: ФГБУН Институт социологии РАН.

Римский Владимир Львович

rim@indem.ru

Vladimir L. Rimskiy

Leading Researcher Foundation for the Development of Research Programs “Informatics for Democracy” (INDEM Foundation); Senior Lecturer Moscow Psychological and Social University (MPSU).

rim@indem.ru

INFORMATIZATION AND RUSSIAN ARCHAICS

Abstract. The article provides substantiation of the author’s hypothesis that the significant problems of Russian informatization have one common reason which is archaization of society and authorities, if archaization is understood as following stereotypes of perception and assessment of reality, as well as patterns and programs of social behavior which are prevailing in cultures that preceded modern ones. Archaization is manifested in any modern societies and states, but in modern Russia it dominates the consciousness and social behavior of most citizens and in the activities of government bodies. In accordance with the author’s hypothesis, archaization in modern Russia is largely determined by interrelated phenomena which are the dominance of a professionally-named sociocode, a new estates and the handout nature of the Russian economy. This explains the fact that science has not become an instrument of professional activity for all levels government officials, which is characteristic of a professionally-named sociocode. That is why Russian authorities order rarely and fund insufficiently any scientific research in the field of informatization. In Russian society the existence of estates is not recognized by its majority and authorities, but some estates are created by the state to perform specific services with the obligatory replenishment of the state budget. Estates services are always associated with the development of the resources assigned to them by the state, including electronic data. Therefore, for example, the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” has not become a significant factor in the growth of our country’s economy. Its implementation does not change the handout nature of the Russian economy, but it retains its nature. Archaization leads to the rejection of a significant reform of the management systems of the society and the state, which would allow the most efficient using of the informatization’s benefits. Instead of it informatization of authorities is aimed at maintaining rituals which are obsolete, but familiar for the decision-making and implementation of managerial activities.

Keywords: *informatization, digitalization, authorities, archaization, sociocode, estate, handout economy.*

JEL: A11, O10, O32, P20.

REFERENCES

- Ahiezer A.S. (2001). Arhaizacija v rossijskom obshhestve kak metodologičeskaja problema [Archaization in Russian society as a methodological problem] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 89–100.
- Ahiezer A. S. (1995). Rossiya: nekotorye problemy sociokul'turnoj dinamiki [Russia: Some Problems of Socio-Cultural Dynamics] // *Mir Rossii [World of Russia]*. No 1. Pp. 3–57.
- Bessonova O.E. (2018). Institucional'noe razvitie Rossii: perehod k kontraktному razdatku [The Institutional Development of Russia: Transition to Contractual Razdatok] // *Mir jekonomiki i upravlenija [World of Economics and Management]*. Vol. 18. No 2. Pp. 21–34. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-2-21-34>
- Bessonova O.E. (2006). Razdatochnaja ekonomika Rossii: Evoljucija cherez transformacii [Handout economy of Russia: Evolution through transformations]. Moscow: «Rossijskaja političeskaja jenciklopedija» (ROSSPEN) (Serija «Rossija. V poiskah sebja...»).
- Castells M. (2000). Informacionnaja epoha: ekonomika, obshhestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]: Translate from English under the scientific editing by O.I. Shkaratan. Moscow: HSE.
- Dekhant D., Molyarenko., Kordonskiy. (2012). Soslovnye komponenty social'noj struktury Rossii [Estates of the social structure of Russia] [Electronic resource]. *Otechestvennye zapiski*. No 1. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/soslovnye-komponenty-socialnoj-struktury-rossii>, accessed 01.03.2020.
- Kordonskiy S. (2010). Rossiya. Pomestnaja federacija. [Russia. Local Federation.]. Moscow: Izdatel'stvo «Evropa».
- Kordonskiy S.G. (2008). Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii [Estates in the social structure of post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie».
- Medvedev A., Medvedeva E. (2013). Kak poyavilas' rynochnaya ehkonomika i vozmozhna li ona v sovremennoj Rossii? [How did the market economy appear and is it possible in contemporary Russia?]. Moscow: Buki Vedi.
- Petrov M.K. (1995). Iskusstvo i nauka. Piraty Egejskogo morya i lichnost' [Art and Science. Pirates of the Aegean Sea and personality]. Moscow: ROSSPEN.
- Petrov M.K. (2004). Yazyk, znak, kul'tura. [Language, sign, culture]. / Introductory article by Neretinova S. S. 2-nd ed. Moscow: URSS.
- Polovinkina S.V. (2004). Zhiznennyj mir v koncepcii A. Shjuca [Vital world in the concept of A. Schütz] [Electronic resource] // *Sbornik rabot 61-j nauchnoj konferencii studentov i aspirantov Belgosuniversiteta, 17–20 maja 2004 g.* [Collection of works of the 61st scientific conference of students and post-graduate students of the Belarusian State University, May 17–20, 2004]. Minsk. Part 3/ Pp. 213–216. Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/178908/1/213-216.pdf>, accessed 01.03.2020.
- Rimskiy V.L. (2018). Arhaizacija političeskikh elit i gosudarstvennogo upravlenija Rossii [Archaization of political elites and public administration of Russia] // *Vlast' i elity [Power and Elites]*. Vol. 5. St. Petersburg: Intersotsis. Pp. 150–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.6>.
- Rossijskij chinovnik: sociologičeskij analiz zhiznennogo mira gosudarstvennyh i municipal'nyh sluzhashchih (2015). [Russian official: a sociological analysis of the vital world of state and municipal employees]. Moscow: FGBUN Institut sociologii RAN
- Volkov S.V. (2012). K voprosu o social'nom delenii obshhestva RF [On the question of the social division of society in the Russian Federation] [Electronic resource] // *Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]*, no 1. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/k-voprosu-o-socialnom-delenii-obshchestva-rf>, accessed 01.03.2020.